

ЯНА ЛЕТТ

ПРЕПАРАТОРЫ

СЕРДЦЕ СТУЖИ

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

ХИММЕЛЬНЫ

СОВЕТ ДЕСЯТИ

ПРЕПАРАТОРЫ

ЯСТРЕБЫ

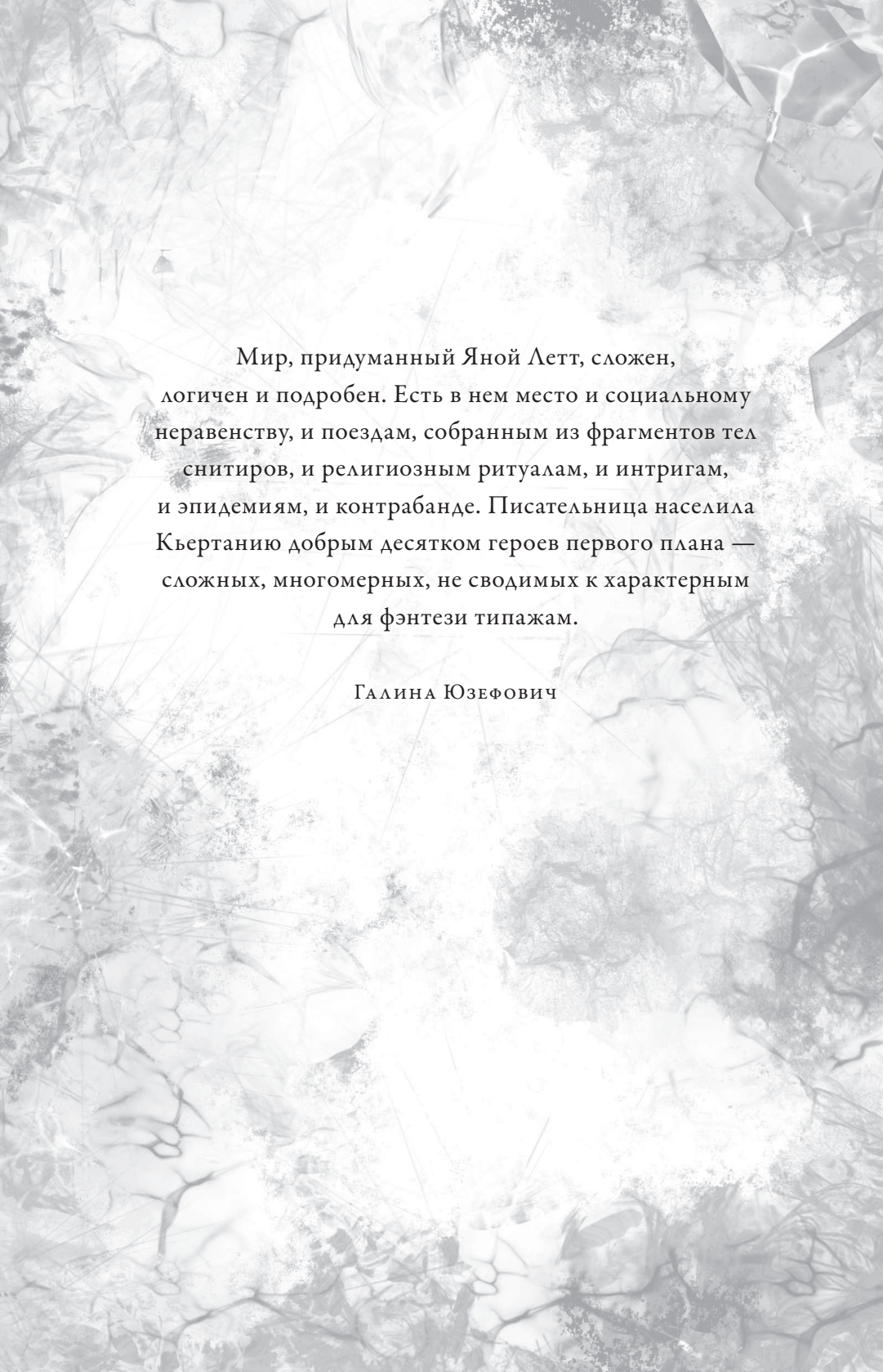
МЕХАНИКЕРЫ

ОХОТНИКИ

ҚРОПАРИ

Мир, придуманный Яной Летт, сложен, логичен и подробен. Есть в нем место и социальному неравенству, и поездкам, собранным из фрагментов тел снятиров, и религиозным ритуалам, и интригам, и эпидемиям, и контрабанде. Писательница населила Кьертанию добрым десятком героев первого плана — сложных, многомерных, не сводимых к характерным для фэнтези типажам.

Галина Юзефович

СОДЕРЖАНИЕ

Унелъм. РАССЛЕДОВАНИЕ	9
СОРТА. ТОЛЬКО МЫ	38
ДНЕВНИК МАЛЬЧИКА	55
ЭРИК СТРОМ. ЗНАКИ СТУЖИ	63
ОМИЛИЯ. СУТ-СТУК	79
ДНЕВНИК МАЛЬЧИКА	94
СОРТА. СНЫ	99
УНЕЛЪМ. ВСТРЕЧИ	108
ДНЕВНИК МАЛЬЧИКА	128
СОРТА. ЕГО СЕКРЕТЫ	132
УНЕЛЪМ. НИЖНИЙ ГОРОД	143
ОМИЛИЯ. СОМНЕНИЯ	158
СОРТА. ДРУГАЯ ОХОТА	166
УНЕЛЪМ. СМЕРТЬ	191
ДНЕВНИК МАЛЬЧИКА	211
ЭРИК СТРОМ. ЖАЖДА	215
УНЕЛЪМ. ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ	227
ДНЕВНИК МАЛЬЧИКА	238
СОРТА. ПЕЩЕРА	242
ОМИЛИЯ. НИТИ	262

Эрик Стром. После Стужи.....	272
Унелъм. Следопыт.....	280
Омилия. Будущее.....	287
Сорта. Барт.....	298
Эрик Стром. Крепость Каделы.....	310
Совет Десяти.....	320
Сорта. Забастовка.....	326
Унелъм. Южный Предел.....	336
Эрик Стром. Да или Нет.....	354
Унелъм. Маскарад.....	358
Омилия. Ход.....	370
Сорта. Игра.....	376
Омилия. Помолвка.....	389
Унелъм. Истина.....	408
Сорта. Мой Ястреб.....	420
Эрик Стром. Его Охотница.....	428
Омилия. Сияние.....	437
Сорта. Сердце Стужи.....	446
ГЛОССАРИЙ.....	475

*Любая история, написанная КЪЕРТАНИЕЙ, —
написана также и Стужей.*

УНЕЛЬМ. РАССЛЕДОВАНИЕ

Одиннадцатый месяц 724 г. от начала Стужи

Унелъм опять проспал — если что-то и встанет между ним и карьерой блестящего детектива это, бесспорно, будет его новая перина, купленная недавно за бесценнок на очередном развале, куда потащил его Вэл.

Выбегал из дома в сторону охранителей он в прескверном расположении духа — и мелкий дождь, зарядивший с утра, настроения не улучшил. Улицы были всё ещё украшены по случаю прошедшего пару дней назад праздника единства Кьертании, но теперь ленточки и бумажные гирлянды размякли и потускнели.

Прошло уже много недель с потрясшего Химмельборг жестокого убийства Лери Селли, а у него до сих пор не было ни единой зацепки. Утешало, что и Вэл тоже не преуспел, и даже Олке с каждым днём выглядел всё более хмурым. В первые дни на-

ставник только что не пел от радости — не слишком прилично, с учётом гибели молодого и красивого юноши. Но Олке плевать было на приличия. Он, казалось, помолодел лет на десять и постоянно потирал руки, приговаривая:

— Что ж, пришла пора показать охранителям, как нужно работать.

Но время шло, а показать охранителям им было нечего. Убийца проник на территорию особняка, не оставив ни следа — ни отпечатка пальца, ни скола на оградке садовой тропы, ни вмятины на аккуратно подстриженном газоне, ни примятого цветка. Никто его не видел — ни многочисленные соседи, ни полуночники, прогуливавшиеся по улицам Сердца города, ни сторожа, ни старый садовник Селли.

Садовник этот трясся от ужаса, давая показания. У него не было алиби — никто, кроме старого пса, не составлял ему компанию в домике для прислуги. Ни он, ни пёс не слышали криков, стонов или звуков борьбы.

На рассвете садовник отправился к розарию с кишкой для полива, и вот тут-то пёс, по его словам, будто с ума сошёл — скулил и подвывал, как щенок, и наотрез отказался идти в глубь сада, будто чуя присутствие опасного и безжалостного зверя.

Тогда садовник отправился дальше один, вооружившись, помимо кишки, валовым фонарём. В дрожащем круге света он увидел молодого хозяина, израненного, залитого кровью, бледного и окоченевшего... и с глазом орма, вставленным на место его собственного.

Садовнику пришлось провести несколько не самых приятных дней на допросах Олке и охранителей, но его, в конце концов, отпустили восвояси. Сложно было поверить, что он, всю жизнь преданно служивший Селли, развлекавший маленького Лери игрой в лошадки на заднем дворе, вдруг решил на убийство безо всякой выгоды или мотива. Кроме того, глаз орма не был нейтрализован — а значит, указывал на препаратора.

И всё же за садовником установили круглосуточную слежку. Олке предполагал, что тот мог быть с убийцей в сговоре — од-

нако до сих пор за стариком не заметили ничего необычного.

В компании Олке Унельм целыми днями занимался поиском улик. «Вот и проверим, слушал ли ты хоть иногда во время наших уроков», — сказал ему наставник. Ульм надеялся не разочаровать его.

Нитка или волос, упавшие с одежды, сломанная ветка, обро-нённая монета, другой цвет глины, занесённой в сад на подошвах сапог, — любая мелочь была важна. Они долго и придирчиво просвечивали каждую пядь земли специальным валовым фонариком, оснащённым глазом ревки на тонком ищущем хоботке, заливали каждый куст в саду особым образом обработанной хаарьей желчью, которая зеленоватым свечением должна была указать на следы органики, например, крови... Всё было тщетно.

Убийца будто прилетел по воздуху или явился из ниоткуда — и так же в никуда исчез.

— Хитрый дьявол, — бормотал Олке, и в его голосе звучал азарт.

Унельм успел поверить — как он быстро начинал верить во что-то приятное и плохо достижимое, — что раскроет убийство Лери Селли и явится ко двору — к Омилии — героем. Тогда им больше не придётся встречаться тайком — за последние недели ему удалось увидеть её только дважды, хоть и казалось, что они знакомы всю жизнь. Нет — он будет приходить в дворцовый парк через главные ворота, будет завсегдаем на всех приёмах и балах, а потом... Что будет потом, Унельм не знал. Его знакомство с пресветлой наследницей кьертанского престола было настолько невероятным, что он и его-то до сих пор осознал не до конца — а потому решил не строить слишком далеко идущих планов. С чего-то, в конце концов, нужно было начинать...

Вот только пока всё шло из рук вон плохо.

Унельм оббегал полгорода, говоря с друзьями, родственниками, подружками покойного. Удостоверение, выданное Олке, не располагало людей к откровенности, но что-то, а разговорить кого угодно Унельм умел с детства. Порой ему изливали душу с такими подробностями, какие он предпочёл бы не знать.

Так, одна из подружек Лери, фабричная работница, о которой проговорился кто-то из друзей Селли, несколько часов, утирая слёзы не очень чистым платочком, рассказывала, как хорош был в постели «щедрый, хорошенький динн», сколько прелестных подарков он ей подарил и как называл её «кошечкой», «своей маленькой женой» и «крольчонком».

— И что же, — спросил Унельм под конец, слегка одурев от её излияний, — вы ничуть на него не обижены?

— Обижена? — переспросила она, в неподдельном изумлении вытаращив на него глаза под накрученной чёлкой. — Да за что же?

— Ну, как... Он ведь бросил вас, и...

— Бросил? Ну что вы, господин Гарт! Мы с ним разошлись, как это называется... По всеобщее... По-дружке...

— Полюбовно?

— Да, да! — она радостно закивала хорошенькой головкой. — Точно! Ну, а чего мне было ожидать? Кто он, кто я? Я сразу знала: с таким блестящим парнем это ненадолго. Что с того? Да я век буду вспоминать, какой он был добрый и щедрый. Я с его подарков, считай, дом матери купила. Ну, чуть-чуть только ей добавить пришлось. А какой браслет он мне подарил! Его я продавать не стала, и теперь точно не буду. Хотите, покажу вам?

— В этом нет необхо...

— Пусть останется о нём память... — Работница без малейшего перехода захлюпала носом. — Ох, он такой был добрый, красивый, щедрый господин... И кому только он помешал? Какая сволочь сотворила с ним такое? Да если бы я узнала, я б своими руками... — Она прервалась, чтобы шумно высморкаться в платочек.

— Вы не знаете, у него были другие... — Унельм помедлил, — подруги?

Работница с готовностью закивала.

— Да наверняка! Он-то мне, конечно, говорил, что нет — видите, господин Гарт, какой он был достойный человек? Но я-то

всегда понимала, что у такого красавца должны быть и другие подружки. Но он всегда говорил: «Нет, кошечка моя, зачем мне другие, когда есть такая красавица, как ты?» Что ни говори...
Благородный динн — он и есть благородный динн.

После этого разговора Унельм пытался найти других подруг «благородного динна» через знатных друзей Лери, но они не назвали больше ни одной. Может, не знали, может, не хотели выдавать Лери даже теперь, когда от этого зависел успех расследования.

Все, с кем он и Олке говорили после, — безутешные родственники, учителя, товарищи по учёбе, деловые партнёры отца — отзывались о Лери как о добром, смелом, славном юноше, которого любили все. Казалось, у юного Селли при жизни не было врагов, тем более способных на такую жестокую расправу.

Газетчики продолжали обсасывать эту историю, несмотря на попытки несчастных родителей заткнуть им рты. Масла в огонь подливал глаз орма, обнаруженный в глазнице юноши.

«Убийца — препаратор!»

«Защитник Кьертании посеял смерть и ужас».

«Совет Десяти не даёт комментарий».

Когда Унельм добрался до отдела, Мем — зыбкий призрак в облаках табачного дыма — с ним не поздоровалась, слишком занятая чтением передовиц.

— Эту дьявольщину нужно остановить, — хмуро заявила она, пробегая взглядом заголовков за заголовком. — Чем быстрее мы найдём мерзавца, тем быстрее всё утихнет.

Олке, сидевший неподалёку, рассеянно кивнул — ему явно плевать было на газеты. Единственной его целью было найти убийцу.

— Гарт. Явился-таки — какая честь для всех нас!

— Работал над важными зацепками допоздна.

— Не сомневаюсь. Не снимай куртку — мы идём в Гнездо.

Пора пощупать препараторов. Совет до последнего оттягивал, но у нас наконец есть разрешение.

Вэл проводил их тоскливым взглядом — его-то ждала бумажная работа в компании Мем.

В кои-то веки Унельм не радовался, что Олке выбрал его для полевой работы. Он мало общался с другими препараторами, но что-то подсказывало, что участие в допросе — не лучший способ завести с ними дружбу.

— Разделимся, — сказал Олке, когда они подошли в кованым воротам в сад, окружавший Гнездо. Деревья здесь буйно цвели, и от тяжёлых белых цветочных головок шёл сладкий, пряный аромат, напоминавший о яблочных крудях, какие пекли иногда у Хальсонов дома. Сорты ведь тоже была где-то здесь... Возможно, Унельму и её придётся допрашивать. При мысли об этом он поёжился.

Они не виделись с бала. И с тех пор, как не стало её матери и сестёр — Ульм узнал о трагедии из отцовского письма. С тех пор он так и не собрался с духом, чтобы прийти и выразить Хальсон свои соболезнования. Все слова тут казались лишними — к тому же после того, как к её ястребу приходил с обыском Олке, Сорты вряд ли захочет его видеть.

Не то, чтобы он и в самом деле собирался обмануть её, когда обещал «разобраться с этим делом». К тому моменту он и вправду думал, что ястреба Сорты Олке больше ни в чём не подозревает... И только потом, от Вэла, узнал, что они с Олке ходили допрашивать Строма и его охотницу по делу о контрабанде. После такого прийти как ни чём не бывало не так-то просто.

Что уж там... Даже когда они были друзьями, близкими, как брат с сестрой, он никогда не умел её утешать. За утешения в их троице всегда отвечал Гасси.

Иногда Ульму казалось, что с его смертью равновесие нарушилось. Не только в их жизнях — в мире вообще.

Гасси наверняка нашёл бы нужные слова. Может, он и Ульма бы утешил — и не пришлось бы презирать себя за трусость в те редкие моменты, когда он не был занят мыслями о неуловимом убийце — и неуловимой Омиили.

— Опять витаешь в облаках, Гарт? Не лучшее время. Я возьму на себя старших охотников, ты поговоришь с новыми рекрутами. Мы с тобой не раз обсуждали, как это делается. Ищи мотивы, зацепки, что угодно. С тобой они наверняка будут чувствовать себя спокойнее — но держи ухо востро. Если хоть что-то покажется тебе подозрительным — хотя бы самая малость, Гарт — скажешь мне. Дальше буду разбираться сам.

На пороге Гнезда их встретил Кьерки, комендант общежития. Он так и лучился дружелюбием, но в его фигуре, перекосенной старыми ранами, Унельм ощутил напряжение.

— Проходите, проходите. Разуться можно тут. Я выделил вам комнаты и уже всех предупредил. Я подготовил списки — конечно, сегодня здесь не все. Кто-то на охоте; охоты мы уж никак не могли отменить. Но потом, конечно, я организую встречу и с ними тоже. Принести вам чая? Вообще, если что-то понадобится...

Унельм не слушал. Он впервые был в Гнезде и смотрел во все глаза. Пожалуй, поуютнее, чем в Коробке — но вопреки всем стараниям обитателей общежития в нём чувствовалось что-то казённое. Ульм в очередной раз порадовался, что снял себе квартиру. Пусть тесную, как коробка для шляп, — но, по крайней мере, там он сам себе хозяин.

На втором этаже Кьерки проводил Олке направо, а его самого — налево. В комнату к Олке уже входила Томмали — об этой красавице-охотнице Унельм был наслышан, и как-то раз даже бывал на одном из её выступлений. Кьерки, провожавший её на допрос, поглядывал на неё с немым, тихим обожанием, и Ульм мог его понять.

Если Олке сам решал, кто к кому пойдёт на допрос, к нему, судя по всему, сейчас придёт кто-то куда менее симпатичный.

Для допросов выделили чью-то пустующую спальню, из которой вынесли кровать. Намёк на то, что им здесь не рады?

Даже стулья у стола были разными — один с деревянными подлокотниками, другой без подлокотников вовсе, зато с мягким сиденьем, изрядно потраченным молюю. Стул, стоявший лицом к двери, оказался менее удобным, но понял Гарт это